

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

...ОН, ЛЕСКОВ,
ПРОНЗИЛ ВСЮ РУСЬ.

А.М. Горький.

КРАСОТА ТАЛАНТА

К 150-летию со дня рождения
Н. С. ЛЕСКОВА

Судьба не всегда бывает справедлива к писателям. Некоторых она — порою не совсем заслуженно — возводит в классики, которых «проходят» в школах и о которых принято говорить лишь с пietetом, хотя их далеко не всегда любят и перечитывают. Других же странные, на первый взгляд, капризы судьбы, наоборот, отсылают куда-то на периферию литературы: их не изучают школьники, им не посвящают стихов современные поэты, их даже не очень часто издают. К таким относится Н. С. Лесков. Между тем М. Горький справедливо писал: «Как художник слова Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими

творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей многоим уступает таланту любого из названных творцов священной писания о русской земле, а широтой охвата явления жизни, глубиной понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих». «Это вообще отличный писатель, — добавляет М. Горький в другой статье, — все еще не оцененный по заслугам перед нашей литературой».

Для нас жизнь и творчество Н. С. Лескова представляют

особый интерес еще и потому, что он, как ни один другой великий русский писатель, был тесно связан с Эстонией.

Впервые Н. С. Лесков ближе познакомился с эстонской жизнью в конце 1860-х годов, когда он в летние месяцы не раз посещал Таллин. Впечатления писателя от здешней жизни были непросты. Он с интересом следил за происходящей здесь сложной общественной борьбой и искренне возненавидел немецких баронов, захвативших всю власть в крае и жестоко угнетавших эстонских крестьян.

С конца 1870-х годов стареющий писатель, страдавший астмой и поэтому плохо пере-

носивший жару, почти каждое лето проводит в Прибалтике — сначала на Рижском взморье, затем, в 1886—1888 годах, в Аренсбурге (ныне город Кингисепп) на Сааремаа и, наконец, последние годы жизни, в 1890—1894, в Нарва-Ийэсуу и его окрестностях. В Нарва-Ийэсуу у Лескова собирался интересный кружок литераторов; отсюда он переписывался с Л. Толстым; здесь он написал ряд своих произведений.

Многолетнее общение писателя с миром эстонской действительности нашло отражение и в его художественном творчестве.

Интерес к Прибалтике особенно усилился у Лескова в 1880-е годы. Вначале он выступил с циклом полусторических, полупублицистических статей о прошлом края в журнале «Исторический вестник» — «Русские деятели в Остзейском крае (свои и чужие наблюдения, опыты и заметки)» (1883), «Подмен виновных. Случай из остзейской юрисдикции» (1885), в которых рассказал о хитрой политической игре и интригах остзейцев, стремившихся сохранить свое привилегированное положение в крае.

Пребывание в Аренсбурге (или Курессааре, как называли его эстонцы) дало Лескову материал для нескольких статей о сааремааской жизни. В них он впервые рассказал и о положении эстонцев.

Самым крупным произведе-

нием Лескова об Эстонии была повесть «Колыванский муж» (1888), в которой отразились впечатления писателя о таллинской жизни конца 1860-х годов. Действие повести начинается в Таллине именно в эти годы, и среди персонажей есть ряд реальных лиц, с которыми Лесков встречался в ту пору. «Колыванский муж» — это чуть шутовская, но вместе с тем и грустная история жизни русского морского офицера Ивана Никитича Сипачева, который женился на прибалтийской немке и поселился в Ревеле (Таллине). Симпатичный, добрый, но непоследовательный и нерешительный Сипачев попадает под влияние своей жены и ее родственников, с железной педантичностью и последовательностью проводящих в жизнь свою немецкую «линию» и считающих все русское чем-то низшим. Во всем этом чувствуется тонкая ирония Лескова: ведь Сипачев должен был утверждать в Прибалтике русское «начало»! В этом произведении Лесков критикует и остзейских немцев, и русификаторов. Хотя он видит немало хорошего в укладе жизни местных немцев, но ему претит их мешанская узость, их шовинизм, утверждение идеи своего национального превосходства. Однако Лесков не верит и в реакционные лозунги русификации края, он видит их подлинный смысл и смеется над ними.

В этом отношении очень интересно и одно из последних произведений Лескова — рассказ-обозрение «Загон» (1893), навеянное впечатлениями писателя от Нарва-Ийэсуу. Оно состоит из семи разделов, сюжетно не связанных друг с другом и объединенных лишь общей идеей, — протестом против попыток отгородить Россию китайской стеной от Европы, превратить ее в мрачный загон (отсюда и название рассказа). В седьмой части — «Апофеоз» — выведен «обручитель» Ефим, с которым Лесков встречался, отдыхая на Нарвском взморье. Кстати, о прототипе этого «героя» Лесков писал из Нарва-Ийэсуу Л. Толстому 12 июля 1891 года. В образе Ефима Волкова писатель как бы воплотил уродливые черты политики русификации, проводившейся царизмом в Прибалтике.

Позиция Лескова в данном вопросе вообще была типична для большинства русских писателей конца XIX века. Они критиковали прибалтийских немцев и установленный ими особый остзейский режим, сочувствовали эстонцам и в то же время не принимали и реакционной политики русификации Прибалтики.

С. ИСАКОВ.
Профессор Тартуского государственного университета.

На снимке: в зале Дома-музея Н. С. Лескова в Орле. Фото В. Углина. Фотохроника ТАСС.